

Содержание

В тихом омуте черти водятся. Пейсли	7
Когда наши глаза встретились. Пейсли	17
Мне жаль людей, которых я обидел, пока мне было больно. Нокс	26
Растерянный мальчик. Пейсли	33
Мир знает меня лучше. Нокс	42
Лед — это мой рай. Пейсли.	51
Вдыхая снежинки. Пейсли	62
Хочу встретиться с тобой, когда погаснут огни. Пейсли	71
Развивай умы, одаривай души. Нокс	81
О, как неожиданно ты повернул сюжет. Пейсли	90
И вдруг она стала моим беймаксом. Нокс.	104
Время кофе. Пейсли.	115
Sound of silence. Пейсли	128
Она для меня не просто домработница. Нокс	136
Нас обоих сломала жизнь. Пейсли.	146
Мой разум — поле боя. Пейсли	152
До сих пор ищу тебя в каждом рассвете. Нокс	160
Не могу выкинуть тебя из головы. Нокс	167
Красота сломленных. Пейсли.	172
Вечно будь почти моим. Пейсли.	183
Я снаю твоим, если ты попросишь. Нокс	191
Грустные птицы тоже поют. Нокс	200

Превратить боль в силу. Пейсли	220
Шоколадные губы. Пейсли	228
Мы с тобой — дикая магия. Пейсли	237
Запах снега. Пейсли	248
Лед горит. Нокс.	261
История золушки. Пейсли.	273
Парень, который излечил мою душу. Пейсли	288
В выживании есть своя красота. Нокс.	296
Сила фразы «может быть». Пейсли	307
Ты обнимаешь меня, даже когда не рядом. Пейсли	316
Вот это мужчина. Нокс.	332
Все, на что я надеялась. Пейсли	339
Рождественские пожелания и поцелуи под омелой. Нокс	355
Твоя любовь рокочет громче моей тьмы. Пейсли.	369
С новым годом. Пейсли	374
Я не стоил правды. Нокс	382
Порох, который питает твоих чудовищ. Пейсли	391
Иббиди-боббиди-бу. Пейсли	396
Что, если ты улетишь? Пейсли.	405
Глубоко внутри мы всегда надеемся. Нокс.	414
Эта мечта родилась в твоём сердце не случайно. Пейсли	428
Послесловие	442
Благодарности	444

Всем королевам, что бьются за жизнь,
Говорю: на танцполе ты не одна
— *Ава Макс*

В тихом омуте черти водятся

Пейсли

В животе урчит. В тишине это отчетливо слышно, но никто на меня не смотрит. Еще не рассвело, большинство людей в автобусе спят.

Я осторожно наклоняюсь, чтобы достать из сумки мобильный телефон и не разбудить сидящего рядом человека. За последние шестнадцать часов мы не обменялись ни единым словом. Его потертый костюм в полоску был ему великоват на пару размеров. Возможно он был бизнесменом, но не таким уж и успешным, учитывая, что путешествие на автобусе из Миннеаполиса в Аспен нельзя назвать воплощением комфорта.

Но меня устраивает и такой. Этот автобус везет меня все дальше.

Он увозит меня далеко-далеко.

Туда, где безопасно.

Моя сумка падает обратно на пол, когда автобус въезжает на холм. Я смотрю на экран мобильного. 7:17 утра. До места назначения осталось недолго. Волнение отдается в животе и пробирается к кончикам пальцев. Оконное стекло запотеваает от моего дыхания, когда

Айла Даге

я, наклонившись вперед, пытаюсь разглядеть улицу сквозь щель в пожелтевших шторах. Теплый свет фонарей освещает падающий снег. Мелкие домики выстроились в ряд друг за другом, и лишь в нескольких окнах горит свет. Мой взгляд скользит дальше, по заснеженным остроконечным крышам, к высокой белой колокольне.

Это будет новое начало. Прыжок в неизвестность. Я буду предоставлена сама себе, но мне не страшно.

Так всегда было. И всегда будет.

Над нашими головами вспыхивают потолочные лампы, распространяя маслянисто-желтое сияние по всему автобусу. После пары поворотов раздается треск громкоговорителя и монотонный голос водителя:

— Через несколько минут мы прибудем в центр Аспена. Это последняя остановка в нашем путешествии. Пожалуйста, покиньте автобус и не забудьте свой багаж. Большое спасибо.

Глубоко вздохнув, я достаю из багажника коньки, прижимаю их к груди и смотрю в окно. Прямо перед моими глазами заснеженные горы Аспена вздымаются в небо, словно пытаясь дотянуться вершинами до облаков.

Вот я и приехала. В свой новый дом. Это шанс всей моей жизни.

Автобус останавливается и двери открываются. Холодный воздух бьет в лицо. Я взваливаю на плечо джутовую сумку, крепко сжимаю белые кожаные коньки и выхожу на улицу вслед за остальными. Под зимними ботинками хрустит снег.

Среди кружащихся хлопьев я различаю рассеянный свет уличных фонарей. Воздух чист и пахнет свободой. Миром. Аспен выглядит именно так, как я его себе представляла.

Волшебно.

Падаем как снег

Мои светлые пряди щекочут мне щеку, когда я натягиваю шерстяную шапку и начинаю пробираться по снегу. В животе опять урчит. Кажется, я почти сутки ничего не ела. Последний раз это было перед...

Нет. Я запрещаю себе вспоминать. С этим покончено. Я не позволю подмешать этот яд в мое счастье и испортить его, как капля нефти портит пресную воду.

По светлому небу пробегают розовые полосы, возвещающие о наступлении рассвета. Я различаю маленькие домики посреди гор. Они похожи на деревню Санта-Клауса в рождественских открытках.

Мое внимание привлекает свет справа, он исходит от здания на углу. За большими окнами, у длинного прилавка, стоит симпатичная женщина и выкладывает на витрину кексы.

Кексы... У меня потекли слюнки. Ноги сами собой понесли меня туда, прежде чем я успела додумать следующую мысль.

Когда я вхожу и закрываю за собой холодную дверь, раздается звон колокольчика. Меня сразу окутывают чудесные ароматы свежей выпечки. Я на мгновение закрываю глаза и делаю глубокий вдох, затем открываю и оглядываюсь вокруг.

Перед стойкой стоят старые кожаные барные стулья. Красная и черная обивка на них потрескалась, и кое-где даже выглядывает желтый поролон. У окон вдоль стены стоят скамейки с такой же красной кожаной обивкой, а между ними — белые столики. Над старомодным музыкальным автоматом алыми буквами светится название заведения: «Закусочная Кейт».

Время завтрака. Я чувствую запах жареных блинчиков, черники и корицы. Шоколад, миндаль и мед. Аппетитные ароматы тянулись со всех сторон, я так и не смогла определить их все, сколько бы ни пыталась.

Айла Даге

А еще кофе. Я чувствую сумасшедший запах свежего кофе.

Мерцающая розовая неоновая вывеска за стойкой («Хот-доги, гамбургеры, молочные коктейли») говорит мне о том, что здесь можно еще и неплохо пообедать.

Взгляд скользит по фотографиям на стенах. На одной из них изображен освещенный город в вечернее время, окруженный заснеженными горами, словно защитной стеной. На остальных фотографиях изображены...

Голуби. Во всех вариациях и проявлениях. У одного разноцветное оперение. Другой, крупным планом, смотрит в камеру своими огромными желтыми глазами. А еще один сидит с высоко поднятой головой рядом со... своими делами. Под ней написано: «Будь как голубь — гадь на все!»

— Привет, милая, — стройная женщина в фартуке в горошек мне улыбается. Ее глаза такого же теплого шоколадно-коричневого цвета, как и кексы. Подошвы туфель из белого материала тихонько шуршат при каждом шаге по черно-белому кафельному полу. — Чем я могу подсластить твоё утро? Судя по твоему виду, тебе бы не помешала дополнительная порция сахара.

— Кофе, — говорю я с запинкой. — И... яичницу. Пожалуйста.

Сердце колотится в груди. Я нервничаю. Давно я не встречала непредвзятых людей. Людей, которые не знают моего прошлого. Хотя я знаю, что эта женщина никогда не видела меня раньше, я не могу избавиться от неприятного ощущения, что она все равно поймет, кто я такая.

До того, как у меня появился свой угол, я росла в пригороде Миннеаполиса, в трейлерном парке. Пригород был маленьким. Жителей там было немного. Все друг с другом были знакомы. Дети знали, с кем им можно играть, а кого следует обходить стороной. Я была из тех, кого нужно обходить. «Тараканы из трейлера».

Падаем как снег

Так нас называли. Перед глазами проплывают размытые образы. Родители, которые тащат за собой своих детей мимо ограды нашего района. Мои маленькие пальчики, которыми я чешу голову, а через несколько секунд обнаруживаю под ногтем вошь. Мама, которая стоит на коленях в нашем трейлере перед незнакомым мужчиной с длинными волосами, брюки которого болтаются на лодыжках, они смеются над тем, что её семилетняя дочь застала их за этим «занятием».

И, наконец, мои худые бедра, на которые я усталась, когда впервые села на тонкий матрас домашней кровати.

Мои мысли резко прерываются, когда брюнетка в фартуке хихикает:

— Яичница. Ты явно из другого города.

На моих губах появляется улыбка:

— Как вы узнали?

Я стягиваю с головы шапку, сажусь на красную скамейку и вешаю куртку и коньки на спинку.

— Что плохого в яичнице?

— Ничего. Просто местные в моей закускойной ее не едят.

— Почему?

— Поверь, милая, — она обходит стойку и наливает кофе в большую чашку. — Когда ты узнаешь, каковы на вкус мои шоколадные блинчики, яичница покажется тебе помоями.

— Звучит заманчиво, — я ухмыляюсь. — Ну хорошо, тогда мне ваши знаменитые блинчики.

Женщина ставит передо мной горячую чашку и одаривает меня победной улыбкой:

— Ты не пожалеешь.

Она поворачивается и исчезает за дверью, которая, по всей видимости, ведет на кухню. Сквозь звуки радио я слышу стук кастрюль и сковородок, а через некоторое время — шипение горячего масла.

Айла Даге

Я разминаю пальцы на столе и смотрю в окно. Розовые полосы на небе уже исчезли. Вместо них я вижу, что на улицах Аспена стало гораздо больше людей, плотно укутанных в одежду и пробирающихся сквозь снег. Вдохнув, я достаю из сумки мобильный телефон и просматриваю фотогалерею.

На фотографиях я вижу улыбающиеся лица моих друзей. Почти на каждой фотографии мы на льду в тренировочной экипировке. Все свое свободное время мы проводили там. После окончания школы каток стал моей рутинной. С раннего утра до позднего вечера.

На следующей фотографии я чувствую, как холодная невидимая рука смыкается на моем сердце и сжимает его. На меня смотрят голубые глаза Кайи. Наши головы лежат рядом на льду, из пучков выбилось несколько локонов. Мы хохочем над какими-то делами дней минувших.

Я помню тот день. Это было после окончания регионального чемпионата. Один из немногих дней, о котором я вспоминаю с радостью.

Фото расплывается перед глазами. Я сглатываю. Кайя была моей лучшей подругой и до сих пор ею остается. Но она понятия не имеет, где я. Она не знает, что со мной случилось.

Никто не знает.

Неожиданно передо мной опускается тарелка. Я поспешно бросаю мобильный телефон обратно в сумку и выпрямляю спину.

— Большое спасибо, — говорю я.

Женщина улыбается. Ее взгляд скользит по моему лицу и на мгновение задерживается. Я опускаю голову и перевожу внимание на блинчики.

Проходит целая вечность, прежде чем она снова начинает двигаться и исчезает за стойкой.

— Кстати, меня зовут Кейт, — говорит она.

Падаем как снег

Я запикиваю вилкой в рот большой кусок блинчика и чувствую, что сейчас заплачу от удовольствия.

— Пейсли, — отвечаю я с набитым ртом.

Кейт кивает. Она открывает крышку жестяной банки, в которой хранится испеченное печенье, и высыпает его сахарной пудрой.

— Ты к кому-то приехала или просто здесь проездом?

Я уже съела больше половины блинчиков, но впереди еще много времени. Желудок просит добавки.

— Нет, я... — я сглатываю и прочищаю горло. — Я только что сюда переехала.

Кейт удивленно на меня смотрит:

— Вот как? В Аспене такое случается нечасто, — она наклоняет голову и внимательно рассматривает мою единственную сумку. — Занимаешься фигурным катанием?

Я давлюсь блинчиком:

— Откуда...

— По конькам, — Кейт показывает на спинку скамейки.

— Нетрудно догадаться.

— А, да, — я делаю большой глоток кофе, а затем добавляю, — меня приняли в аспенский «АйСкейт».

— Ого! Значит, у тебя хорошо получается. Туда берут только лучших, — Кейт кусает печенье с сахаром, закрывает крышку банки и ставит ее на место, рядом с кексами. — Моя дочка тоже там занимается.

Последний кусочек блинчика исчезает у меня во рту. Я поспешно глотаю, смотря на Кейт широко открытыми глазами:

— Дочка?

— Гвен. Она примерно твоего возраста, — Кейт показывает на меня надкушенным печеньем. — Тебе двадцать?